

Алексей Бородкин

Предсказание Ньянкупонга

умейте спрятаться за
призраком

Алексей Петрович Бородкин

Предсказание Ньянкупонга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27348784

SelfPub; 2017

Аннотация

Мистика, оккультизм и кровавое преступление сплелись в этом рассказе в плотный клубок. В своём домашнем кабинете убита женщина. Близкие поглядывают друг на друга с подозрением: кто мог устроить резню? Муж настаивает, что виновны потусторонние силы. Коллега уверен, что без корысти не обошлось. Следователь просит помощи у подруги убитой, полагает, что "след" Эроса очевиден. Вопрос: чей призрак вернулся в мир живых? И кто окажется за решеткой? Сумеет следователь "расколоть" своё последнее дело?

Тёрка совсем не изменилась. Нет, изменилась, конечно, пятнадцать лет прошло и это срок, но изменилась, как бы это сказать... в валютном эквиваленте: ткань костюма на порядок дороже (фасон всё тот же: деловая приталенная "тройка"), золотая брошь сменила на груди лакированную финтифлюшку. Я загляделась – на брошке завораживающе блеснул камень.

– Рубин, – Тёрка перехватила мой взгляд, – три карата.

Я кивнула и сделала восхищённую физиономию: "Да-ёшь, мать!" Полагаю, на такую реакцию она и рассчитывала. Спросило благосклонно:

– Как у тебя?

Она распахнула шкаф позади рабочего стола, чем-то там загремела. У меня появилась секунда, чтобы осмотреться. "Неплохо устроилась. Можно сказать шикарно". Крупная могучая Тёрка уместно смотрелась в этом интерьере. "Ничего себе кабинетик, в футбол играть можно. – Я проскакала глазами по креслам-столам-диванам. – Мебель выбирала сама, подстать фигуре. Представляю, как матерились грузчики, таская эти мебели".

Отец Тёрки (Тересы Ивановны Руис) был чистокровным испанцем. Он появился в Союзе в шестидесятых, как специалист в какой-то новой для страны области. Тогда было принято обмениваться специалистами. На кого выменяли чернявого Хуана не знаю, знаю только, что последствием этого обмена стал брак испанца с волоокой рязанской красавицей

(тщедушный испанец был сражен габаритами русской дивы). От брака появилась дочка Тереса. Мать звала дочурку ласково – Тере, мы (подружки-одноклассницы) кликали её Тёркой. Заморское Тере-Пере не цеплялось за наши языки.

От матери Тереса унаследовала необъятных размеров телеса, от отца – чёрные волосы, смуглую кожу и южный вспыльчивый темперамент.

– Знаю, что дела идут паршиво, – Тёрка поставила передо мной бокал. – Я навела о тебе справки.

"Вот и отлично! – Я понюхала содержимое. – Нет нужды врать".

– Собственно, поэтому я тебя и выцепила. Тебе нужны деньги, мне нужны услуги.

Она отпила глоток, на бокале осталась помада. Я подумала, что ей всегда шел алый цвет. Чёрное и алое – классическое сочетание. Я тоже отхлебнула и мстительно подумала, что для Кармен она крупновата. "И это мягко сказано".

– Знаю, что ты сейчас свободна. – Тёрка положила на стол фотографию. – И это нам на руку.

– Нам?

– Нам, Анюта, нам. Ты же не станешь отказываться от... – она написала на листочке сумму, я посчитала нули и подумала, что с Тёркой можно согласиться. По крайней мере, в этом вопросе. Глупо отказываться от таких денег.

– Так вот, – продолжила она, – это мой муж Валя. – Ноготь постучал по фотографической физиономии. – Я хочу, чтобы

ты за ним присмотрела.

– В каком смысле?

В дверь кабинета поскреблись, и в щёлку протиснулся мужчина. "Протиснулся" можно сказать только фигурально, ибо в дверях стоял крупный высокий молодой мужчина. Самец. Я почему-то подумала о молодом благородном олене, что бежит по лесу, оглашая окрестности трубным гласом. "Он бежал и сильные рога, задевали тучи-облака. – Песню про лесного оленя помните? – И казалось будто бы над ним, становилась небо голубым".

– Прошу прощения, – пророкотал мужчина. – Тереса Ивановна, срочное дело...

Тёрка нахмурилась, молодой человек оборвал фразу на полуслове.

– Меня нет, – коротко скомандовала начальница. – Ещё двадцать шесть минут. Ни для кого.

Дверь немедленно затворилась. "Какая точность!" – изумилась я и спросила:

– Коллега?

– Секретарь. – Тёрка сделала ещё глоток. – Исполнителен. Обходителен. Глуп.

Последнее свойство мне показалось сомнительным (для мужчины), и я уточнила, зачем тогда держать такого секретаря?

Она посмотрела на меня сверху вниз.

– Не приходится выгибать шею, когда целуешь.

"Ага! – подумала я. – Кармен есть, и Хосе нарисовался. Классика жанра, как же без Хосе?"

– А что муж? – я кивнула на фотографию. – Валя?

– У него... – Тёрка задумалась. Сделала жест, обрисовывая в воздухе окружность. – Как бы тебе объяснить... – Я посоветовала начать с начала, и она согласилась: – Валентин очень неплохой мужик. Мы давно в браке, и я до сих пор люблю его... во всяком случае, когда он меня не расстраивает. Он умный. Психотерапевт по специальности. Имеет клинику... частный кабинет, в центре, около Манежной. Практика небольшая... Его клиенты весьма состоятельные люди.

"Пипец! – мысленно присвистнула я. – Где находится очередь за такими мужьями? И кто в ней крайний? Вы, мадам? Тогда я за вами!" Видимо мысли отразились на моём лице, и Тёрка посоветовала подкатать губу: "В этом яблочке сидит червяк, подруга! Не всё то золото, что блестит".

– Дело в том, что Валя работает с призраками.

– С покойниками? – уточнила я.

Тёрка скривилась и попросила не быть душой.

– Есть люди, которые видят призраков. С такими пациентами и работает Валентин.

Это несколько меняло дело, однако, не слишком. "Мало ли кто чего видит? – решила я. – Лишь бы деньги платили. В конце концов, футбол или призраки, это личное дело каждого. Дядя Боря из второй квартиры до самой смерти с радиоприёмником разговаривал. Что характерно, в режиме диало-

га: сядет, бывало, на табуреточку, включит приёмник – и понеслась! Вопросы задаёт, ответы слушает, хохочет. Мне, говорит, с диктором интереснее беседовать, чем с вами с долбо... Он (диктор) человек интеллигентный, начитанный, не то, что вы".

Оказалось, что один из пациентов (посоветовавшись с загробным миром) предсказал Валентину скорую смерть. Скорую и скоропостижную. Что-то в стиле отравления сильнодействующим ядом, или ножом по горлу. Как пел Высоцкий: "Балкон бы, что ли сверху или автобус пополам". На психотерапевта это призрачное откровение подействовало угнетающе: он отдалился от жены, стал молчалив и замкнут. Убрал в доме все зеркала, сказав, что это окна в иной мир и от них тоже исходит угроза. Логика такая, что смертельный удар можно получить не только от человека, но и от призрака.

Мне Тёрка предлагала проследить за мужем, но не в банальном полицейском смысле этого слова, а... творчески:

– С огоньком. – Она нарисовала пальцем замысловатую спиральку. – Войти к нему в доверие, подружиться.

– Может быть, стать пациенткой? – предложила я.

Тёрка ответила, что этот вариант она рассматривала и решила оставить на крайний случай. Как запасной: "Сфера скользкая, неизвестно, как всё обернётся".

– Ты стройная, глазастая, одеваешься стильно, с тобою есть о чём поговорить. Ты вообще в его вкусе, Анька. Познакомьтесь... сходите, я не знаю... в театр, в ресторан, поси-

дите вечерок, послушайте музыку, потанцуйте...

На столе образовалась пачечка денег в палец толщиной – на "текущие расходы".

Тёрка сказала, что в четверг, то есть завтра, у Валентина плэнеры. Это лучший способ познакомиться ненавязчиво и естественно.

– Он ходит в картинную галерею, подолгу сидит перед каждой картиной, выскивает призраков.

"О-о-о! – подумала я. – Гонорар-то придётся отработать сполна. Какие тут глазки и танцы с бубнами, тут бригаду из психушки нужно держать у подъезда".

Сложнее всего, оказалось, подобрать одежду. Я должна была понравиться Валентину – это как минимум, – и не отпугнуть его. "Фиолетовое полупальто и синяя блузка? – я стояла перед зеркалом целый час, но так и не выбрала "боевого оперения". – Интересно, как шизики относятся к фиолетовому цвету?" Считается, что фиолетовый цвет – цвет художников и поэтов, а все они немножко... того.

Мои опасения оказались напрасны. Контакт с клиентом произошел легко и непринуждённо. Я купила билет, прошла на выставку. Цокот каблучков о паркет взлетал к высоким потолкам и растекался эхом, как волна. Стрелки показывали четверть одиннадцатого – тихий час для старушек смотрительниц и охранников супермаркетов – блаженное время. Валентина нашла без труда, он сидел перед Иваном Гроз-

ным, убивающим своего сына. Один в целом зале. В соседней комнате бродил затерявшийся китаец, но он не мог доставить хлопот. Я неслышно подошла и остановилась чуть позади Валентина. Вгляделась в картину. Через пять минут созерцания мне стало казаться, что полотно втягивает меня внутрь, что я попала в невидимый водоворот, и он пытается протянуть меня сквозь узкое горлышко невидимой воронки. Переломав, при этом, все кости и разодрав в клочья плоть. Почти физически я чувствовала боль Ивана Грозного.

– Великий художник, – произнёс Валентин, не поворачивая головы. Обращался он явно ко мне. – Репин. Ему удалось удивительно тонко передать эмоции Иванов.

– Иванов?

– Сына тоже звали Иваном.

Валентин встал, протянул мне руку, представился. Ладонь его была мягкой и безвольной, как у плюшевого мишки. Я ответила, что меня зовут Анна, и что я... на мгновение я замешкалась, так как совсем не подготовила "легенды". Брякнула первое, что пришло в голову: искусствовед. Он рассмеялся и сказал, что этого не может быть.

– Искусствоведы вашего поколения учат картины по учебникам. Они не пытаются их чувствовать. – Валентин улыбался светло и грустно. – А вы её почувствовали, я это видел. – И признался: – Я наблюдал за вами. Вы отражались в оконном стекле.

Он заглянул мне в глаза, и я почувствовала, что наступает

важный момент. Или я заарканю его немедленно, или нет.

Полагаю, опытный ковбой за мгновение до броска лассо уже чувствует, как оно полетит – удачно или нет, – и охватит ли на шею быка. Внутренний голос мне подсказал, что я своё лассо бросила верно – Валя будет моим.

Я рассказала про воронку, и про "чувство постороннего" – этот термин я вычитала вчера в Википедии.

– А где? – Валентин заинтересовался. – В каком месте на картине? Вы ведь рассматривали картину как бы частями?

Я потупилась, сказала, что не успела разобраться.

– Вот тут, слева от фигур, – Валентин указал жестом место, – смотрите внимательнее, вглядывайтесь в драпировку. Пройдите взглядом вдоль тени... прямо по её контуру от самого низа, а потом расфокусируйте взгляд. Смотрите сквозь полотно, за границы пространства.

Я послушно скосилась, следуя инструкциям. Естественно ничего не рассмотрела, кроме багрового тумана – в глазах началась резь.

– Вижу! – соврала с томным придыханием. – Лицо. Лицо?

Он кивнул. Потом посмотрел на часы, охнул, сказал, что ему пора бежать и вышел из зала. Осталась только я, два Ивана, старушка-смотрительница и китаец – он всё ещё жужжал в соседнем зале, как назойливая муха.

Контакт состоялся, и это хорошо. С другой стороны, думала я, мы не познакомились. Рукопожатие и обмен имена-

ми нельзя считать знакомством – просто формальная вежливость. И это плохо.

Я просчитывала следующий шаг. "Позвонить Тёрке? Спросить совета?" – этого мне не хотелось, душа (у меня душа поэта) и проснувшееся чутьё ищейки требовали самостоятельности. "И не нужно бояться совершить ошибку. Милая добрая оплошность всегда украшает женщину". Решила, что возьму машину и прослежу за "клиентом" от его клиники. "Изучу его распорядок дня, плюс увижу кто пользуется его услугами".

На следующее утро я заняла наблюдательную позицию. Из переулка прекрасно просматривалась серая стальная дверь, под круглым козырьком, маленький ухоженный газон, украшенный кустами барбариса и машина Валентина.

В шестнадцать тридцать доктор вышел из клиники и сел в машину. До этого времени ни один клиент не обеспокоил психотерапевта своими душевными проблемами. Мне это показалось странным. "Хотя?.. – я завела двигатель. – Это гриппом и насморком болеют массово. Психические заболевания – дело тонкое". И ещё я задумалась (на краткую секундочку), передаются ли психические заболевания половым путём?

Слежка переходила в активную фазу – фазу преследования. Попетляв через центр мы выехали в старый город: узкие улицы, кирпичные дома времён Петра, доски фасадов, покрытые серой патиной, кованые заборы (затейливые финти-

флюшки, ромашки, листики). "Хотелось же мастерам, – пришла мысль, – тратить силы на такие безделушки?"

По пути Валентин заехал в супермаркет, вышел с пакетом продуктов – это я заключила по длинному французскому батону и пучку зелени, что выглядывали из пакета на Свет Божий.

У одноэтажного синего дома Валентин остановился. Я проехала немного дальше и тоже остановилась. Более всего, дом напоминал каменный барак – длинным своим приземистым видом и ровным рядом маленьких узких окошечек-бойниц. "Или конюшню", – такая появилась ассоциация. Над домом кто-то укрепил деревянный восьмиконечный крест. Это произошло очень давно: от времени и ветра крест покосился, почти коснувшись крыши длинной перекладиной. "Может быть, здесь кельи монахов? Были..."

Валентин закрыл машину, взял пакет и вошел в парадное. Высокая деревянная дверь скрипнула и захлопнулась со звуком "Ум-па-бы". "Дубовая", – решила я и в который раз за сегодняшний день задумалась, что мне теперь делать? Ждать? Следить из машины? Войти следом? Шпионского образования катастрофически не хватало.

Пока я ломала голову, пятое от угла окно распахнулось, Валентин – вне сомнений это был он – раздвинул шторы. До меня донеслась фраза о пользе свежего воздуха и необходимости проветривать помещение. Говорил Валентин странным тоном: во-первых, нарочито громко, так, что я без труда

расслышала фразу, а во-вторых, с менторскими интонациями в голосе. Так разговаривают опытные врачи с пациентами-подростками. Если те, вдруг, решат, что стали слишком взрослыми, чтобы слушаться чьих-либо советов.

Я развернула машину, припарковалась на другой стороне улицы. Отсюда было видно парадное и распахнутое окно. Ждать пришлось недолго, минут через двадцать Валентин вышел, резко, с визгом шин развернулся и уехал. Моя рука потянулась к замку зажигания, однако не повернула ключа. Почему? Не знаю, считайте это чутьём. Той самой женской проницательностью, что не поддаётся психоанализу.

Когда Валентин входил дом, он был в приподнятом настроении (кажется, мурлыкал под нос песенку), а вышел, как бы это сказать... подавленным. "Подавленный" – это слово часто повторяла Тёрка.

Я включила аварийную сигнализацию (на всякий случай), закрыла машину и направилась к дому. "Скажу, что... что машина сломалась, что я забыла телефон и что мне требуется помощь. Попрошу позвонить – вполне правдоподобная байка".

В парадном пахло сыростью, кислыми помидорами и чем-то ещё... этот запах было сложно идентифицировать. Полагаю, так пахнет в фамильных склепах – чем-то дремучим. "Идеальное место для убийства, – подумала я. – Потрясающие декорации и освещение, – лампочка под потолком покачивалась на шнуре. – Обстановка соответствует".

Половицы скрипели и прогибались под ногами. Я шла вдоль ряда дверей, прикидывая какая из них "моя". К счастью, на каждое окно приходилась ровно половина двери.

На мой стук откликнулась старушка, отворила дверь и вопросительно умилилась всем своим морщинистым лицом. Хотелось бы сказать, что она была мила, только это стало бы ложью. Старушка не была милой, хотя и очень старалась – улыбалась и искрилась выцветшими глазами. Её портила большая родинка на подбородке (дававшая "почву" трём элегантно изогнувшимся волосинкам), и значительный недостаток зубов. Из-за этой своей особенности старушка пикантно пришепётывала.

Поздоровавшись, я спросила можно ли позвонить, и простежки развела руками – мол, извините, что причиняю неудобства, но все мы люди, все человеки, и неприятности случаются у каждого – так уверяет Библия.

Старушка показала на телефонный аппарат в углу комнаты и спросила, хочу ли я чаю? "Гости так редко заглядывают ко мне, милочка, и я так рада поболтать на светские темы". Я ответила на приглашение нейтральным: "И-э-э...", и это мычание старуха приняла за твёрдое *modus vivendi* (согласие, лат.). Она прошла на кухню (маленький закуток отделённый ширмой и комодом от остального пространства), спросила, возвысив голос:

– Что ныне творится в свете, дорогая моя? – Загремела посудой. – Какие дела там творятся?

"Принц Чарльз и королева здоровы, – мысленно ответила я. – Передают горячий и пламенный пионерский привет!"

На языке вертелся вопрос, какой именно свет она имеет в виду? Этот? Или тот? "Иными словами: верхний или нижний?" Однако спрашивать было неловко, и я промолчала. Сделала вид, что занята телефоном.

"Позвоню на мобильный. – Я подняла трубку. – Пусть определится номер". Не понимаю почему, но это единственное разумное действие пришло мне в голову. Главное было моментально дать отбой, лишь только твякнет в сумочке мой телефон.

В кухне зашумела вода, чиркнула спичка. На стуле, не распакованный, лежал пакет с продуктами (я заметила его только теперь). Старушка вынесла чайный сервиз, стала протирать чашки полотенцем сомнительной чистоты. Я отвернулась, чтобы не видеть, как одна рухлядь пачкает другую, стала рассматривать обои. Сине-серые пятна складывался в какой-то странный, подсознательно знакомый рисунок. "Где-то я это видела". Ромбы-прямоугольники медленно поплыли перед глазами, как танцующие арлекины. "Репин, – подсказала память, – Ваня Грозный привёл в исполнение..."

"Что я здесь делаю? Зачем я припёрлась, дурында? Что надеялась обнаружить?" От мысли, что липкую чашку придётся подносить ко рту, сделалось дурно. Бочком я пробралась к двери и, не попрощавшись, выскочила наружу.

– Заходите как-нибудь, милочка! – неслоь вослед.

"Ещё чего!" Я глубоко вздохнула и прислонилась к стене. Сумрачный коридор казался теперь райским местом, почти кущами. Опасность миновала, однако колени противно дрожали.

Дверь напротив – обычная стальная дверь, душевного мышиного оттенка – распахнулась, в коридор вышла женщина. Обычная наша советская тётка. У меня камень с души упал, захотелось возопить, подобно герою Семёна Фарады из "Чародеев": "Люди! Здесь есть люди!"

Очевидно, мой эмоциональный порыв отразился на лице – женщина удивлённо оглядела меня с ног до головы, и принялась запирать замки, заслонившись крепкой спиной. Замков было много.

– Скажите... – произнесла я, не зная толком, о чём хочу спросить. – А...

– Вы к Лидии Степановне? – помогла тётка. – Так померла она.

– Давно?

– Года два уж.

– Понятно.

"С кем же я тогда беседовала?" – повис незаданный вопрос.

Я ещё раз поблагодарила тётку, и мы медленно пошли по коридору. Как две закадычные подруги. Я соврала, что двоюродная племянница старушки, что ныне проездом в городе (Из Москвы в Ялту) и вот: "Решила зайти. Повидаться. Про-

ведать любимую родственницу". Тётка язвительно отметила, что милочка не больно-то спешила! Я покорно склонила голову, мол, ваша правда – не успели.

– А за квартирой кто-нибудь смотрит? – спросила я.

– А кому оно надо? – вопросом ответила тётка. – За чем там смотреть? Вода перекрыта, газ выключен. Кошка была, так и она сдохла... следом за старухой. Нет, – тётка зыркнула на меня проницательно, – никто сюда не заглядывает. Ты первая за два года.

На улице я обернулась, посмотрела внимательно. Таинственное окно было закрыто и занавески плотно задёрнуты. И всё же, могу в этом поклясться, за занавесками кто-то стоял. И держал на руках кошку.

"Я сошла с ума! – пронеслась шальная мыслишка. – Какая досада".

Часы показывали половину шестого.

"Если Валентин трудоголик, – думала я, – он вернулся в лечебницу. И я смогу с ним поговорить". Идея казалась правильной. Во-первых, мне теперь есть, что рассказать психотерапевту. Во-вторых, уже пора пойти на сближение. Ресторан, танцы, музыка, так, кажется, хотела Тёрка? Так и будет.

В глубине души я надеялась, что Валентин уехал. В этом случае можно будет взмахнуть рукой: я выполнила дневную норму! И со спокойной совестью отправиться домой, в свою уютную двухкомнатную квартирку. Поужинать, почитать журнал о жизни богатых и красивых и заснуть сном пра-

ведника. Слишком много получилось впечатлений для одного дня.

Могла ли я тогда подозревать, что приключения только начинаются? Что этот день ещё в самом разгаре и окончится он далеко за полночь.

Валентин оказался на рабочем месте – если кабинет психотерапевта можно считать рабочим местом.

Я осмотрелась. Определение "плюшевый" более всего подходило этому местечку. Тёплые тона, мягкие формы, неяркий свет. Обычно на стенах висят дипломы и всяческие грамоты (это я знаю по фильмам), в этой клинике ничего подобного не было. Только у входной двери блестела бронзовая табличка: "Валентин Сергеевич Кугель. Врач-психотерапевт".

– Здравствуйте, доктор, – я протянула руку.

– Валентин, – поправил он, пожимая мою ладонь. – Мы же сегодня познакомились.

Я кивнула, и сказала, что у меня проблемы. "Э... небольшие". Моя подруга порекомендовала психотерапевта. Конкретно – доктора Кугеля, как прекрасного специалиста и хорошего человека. И вообще...

Пока я говорила, Валентин рассматривал пылинки на своём столе. Их было немного – две или три штуки.

– У меня особая специфика, – заметил доктор, когда я закончила петь ему дифирамбы.

– Боюсь, что я, – румянец выступил на моих щеках, – именно по вашей специфике.

Он погладил карандашом усы, сказал, что лучше бы записаться на приём, оформить карточку и бумаги. Сделать, как заведено в его практике.

– Лечение, естественно, проходит анонимно, – он поднял на меня свои красивые мудрые глаза. – Даже я не знаю настоящих имён пациентов.

– Секретарь уже ушла, – сказала я с лёгким нажимом. – А мне очень нужна помощь.

– Это правда, – кивнул он. – Я говорю о секретаре. Она ушла. – Валентин всё ещё сомневался. – И вы хотите...

– Хочу! – инициативно согласилась я. – Очень!

Он сложил кончики пальцев, задумался и предложил начать с теста Люшера.

– Это несложное задание. Вам нужно выбирать цвета.

На столе он разложил разноцветные квадратики, попросил выбрать самый приятный. Когда я сделала выбор, доктор убрал этот квадратик, и предложил выбрать опять. Так продолжалось, пока на столе остался только один квадрат – жёлтый. Я не люблю этот цвет.

Было легко и даже приятно. Я имею в виду, приятно быть пациенткой психотерапевта. Это совсем несложно: нужно немного (вернее много) фантазии, чуть экспрессии и дать волю тараканам в голове. "Э-гей, ребяташки! – обратилась я мысленно к насекомым. – Сегодня ваш день, веселитесь!"

После Люшера мы перешли к Роршаху. Этот тест оказался значительно сложнее и неприятнее. Чёрные кляксы невольно возвращали меня, то к умершей старухе, то к кровавому Ивану Грозному. От пятен кружилась голова, казалось, не я управляю своими ответами, а кто-то посторонний. Это было мучительно.

"Что если напрямик заговорить о старухе? – подумала я. – Спросить кто она?"

После тестов, Валентин попросил рассказать о себе. Внимательно слушал, кивал, делал в тетради пометки. Я считала, что дело у меня на мази, что я безоговорочно стала пациенткой, когда он поднял голову и объявил, что со мною полный порядок:

– Вы меня обманываете, Анна. У вас отменная фантазия, вы многое себе воображаете – живёте в своём радужном мире, – он улыбнулся, – кроме того, вы легко поддаётесь внушению, но это всё. Никаких психических отклонений.

Доктор захлопнул тетрадь, а я задохнулась от возмущения. Я понимаю, когда меня упрекают во лжи, если я кого-то обманула. Но называть меня вруньей, когда я говорю чистую правду? Это слишком.

Тогда я рассказала о "длинном" доме и о беседе со старухой.

– Какое это отношение имеет ко мне? – сухо осведомился доктор. – Я здесь при чём?

Пришлось рассказать шпионскую историю о пакете с про-

дуктами, о старухе и о соседке – независимой свидетельнице, – которая утверждает, что старушка дала дуба. Причём уже давно.

– Чепуха. Я ни с кем не встречался. Был в том доме из профессионального интереса. В этом бараке работала психиатрическая лечебница... вернее психиатрическое отделение. – Валентин нахмурился, припоминая. На лбу проявилась морщина. – Очень давно, в прошлом веке. Потом была молельня, потом несчастный дом отдали под квартиры. – Валентин сделал паузу, словно давая мне прочувствовать историю. – В лечебнице работал Выготский, знаете такого? Нет? Ну откуда вам знать этого терапевта... В этом печальном доме родилась и умерла, в своё время, теория хирургического врачевания психических заболеваний. Мне хотелось понять магию того времени, впитать его ауру. Я осматривал двери, касался пальцами стен, искал...

Валентин попытался жестом объяснить, что именно он искал. Не получилось. Тогда он глубоко вздохнул, испросил разрешения закурить. Большим пальцем выщелкнул из пачки сигарету, одну для себя, вторую мне.

...Мы стояли по разные стороны окна. Он и я. Он казался добрым отрешённым брошенным на произвол судьбы волшебником. "Нельзя бросать мужчину одного, – размышляла я. – Он тоскует, теряет веру в себя и, наконец, погибает без женщины. Тёрка совсем его позабросила и это большая ошибка".

Где-то далеко за городом умирало солнце. Оно полыхало, стараясь чтобы уход надолго остался в памяти людей. Тень соседнего строения незаметно напоздла, заслонила от нас белый свет, и только кудрявая макушка тополя ещё касалась багрового зарева. В комнате было тихо и серо; огоньки сигарет боролись с этой серостью, заведомо зная, что битва проиграна.

– Мне ничего не известно о старухе, – нарушил тишину Валентин. – И мне неприятно, что вы за мной следили. Зачем вы это делали?

Я задумалась, как ему ответить.

Дало в том, что передо мной появилась ещё одна проблема (помимо разведывательного задания). Мне необходимо было выяснить, сошла ли я с ума? Вернее так: кто из нас сошел с ума? Я или Валентин? А может мы оба? Только по-разному?

На стороне Валентина выступала соседка. На моей – пакет с продуктами. "Соседка, конечно, весомее", – с грустью подумала я, но решила, что сдаваться пока рано.

"Что если ему вместо старухи видится... например, роскошная молодая женщина? С русыми волосами и бюстом пятого размера? Он приходит к этой наложнице, чтобы заниматься... – Тьфу, тьфу, тьфу! Привидится же такое! Я несколько опешила от собственных фантазий. Валентин был прав – иногда меня "заносит".

"Стоп! Попридержи коней, подруга! Главный вопрос была ли бабка или нет? – начала с начала. Пыталась рассуждать. –

Если не было, то сбрендил ты. В смысле, я. Ты видела призрака и беседовала с ним. И это пичалька. Однако если бабка была, то пускай Валя принимает её за кого угодно! Хоть за английскую королеву, это его проблема! Некоторые, я знаю, предпочитают пикантные связи".

Внешне проблему можно было считать... нет, не решённой – обозначенной. И успокоения это не приносило.

Решив, что загадка слишком сложна – я психиатрию не изучала, – решила идти ва-банк. Рассказала о Тёрке: "В смысле, о вашей жене, Тересе". И о своём задании: "Приглядывать за вами, Валентин".

Почему я заложила подругу? Сложно сказать. В этот момент план ещё не сложился. Я просто подумала, что став двойным агентом я ничего не потеряю. Но что-то, возможно, приобрету.

Он молчал. Сигарета догорела до фильтра – столбик пепла висел непо потревоженный, – Валентин смотрел сквозь меня. Однако он не дремал, и не провалился в прострацию, он напряженно думал. Иногда по лицу пробегала тень, Валентин хмурился, немного сдвигая брови. Я чувствовала себя неуютно, как студент-первокурсник случайно попавший в лабораторию известного профессора. Я выждала ещё минуту и подала голос:

– Сходим в ресторан, а? Потанцуем?

Он вздрогнул, уронил окурочок и негромко чертыхнулся.

– Давайте, для начала, разберёмся с вашими видениями.

– Давайте, – я покорно согласилась. – В ресторане?

– Нет, у меня дома.

Валентин стал собирать портфель, сложил тетради, книгу, несколько файлов с документами. Я ждала, что он объяснит, как будет происходить предстоящая со мной "разборка". Он объяснил. Оказалось всё просто: Тёрка и Валентин живут в старинном особняке:

– Дом старый, с историей. Во время революции красные устроили там... в общем... потом и белые... многих казнили. Посекли шашками, повесили. Жуткая была бойня, некоторых даже топили. Проводили экзекуции. – Валя развёл руки в стороны, мол, такое было время, ничего не попишешь. – Когда мы купили этот дом, большую часть тонкой энергии я освободил... было трудно, много пришлось работать, вычищать... но я справился. Оставил только несколько призраков. Для экспериментов.

"Мать божья! – испугалась я, – этого мне ещё не хватало! Он хочет проверить, увижу ли я их домашнего призрака! Жуть! А что делать, если я, действительно, увижу?"

Однако отказываться было поздно.

Пока мы ехали, Валентин молчал, и только подъезжая к особняку, разлепил губы:

– Прошу не сообщать Тересе о том, что вы мне открылись.

– Хотела просить о том же, – я кивнула. – И давайте перейдём на "ты", – предложила. – И будем придерживаться первоначальной легенды: мы познакомились, заинтересова-

лись, решили узнать друг друга поближе. Были в ресторане, болтали-танцевали. – Он, в свою очередь, кивнул. – И ещё. По легенде вы... то есть ты, Валя, не знаешь, что мы с Тересой подруги.

Он открыл дверцу, чтобы выйти из машины, я удержала. Притянула за рукав и поцеловала долгим затяжным поцелуем. Он сопротивлялся только мгновение, думаю больше для проформы – целоваться я умею.

– Зачем это? – спросил, тяжело дыша.

– Для конспирации. Всё должно выглядеть естественно. Иначе Тёрка нас раскусит.

Опустились сумерки. В скудных уличных огнях дом казался огромной тёмной глыбой, будто бы скульптор-атлант взял в руки гигантское тесало, и огранил торчащую из земли скалу – ту, что первой попала под руки. Возможно, виною такому мрачному представлению стали мои взвинченные нервы, а быть может что-то ещё, например предчувствие. Я не очень-то верю в потусторонние силы (опуская сегодняшнее приключение), но доверяю своему шестому чувству.

Приглядевшись, я рассмотрела аллею, ажурный мостик (небольшой декоративный, через воображаемый ручей), лужайку с гравийными тропинками, остеклённую теплицу – видимо зимний сад, – теплица примыкала торцом к дому.

– Пойдёмте внутрь? – Валентин стоял рядом и ждал, пока

я посмотрюсь на барские хоромы.

– Пожалуй. – Я задержалась ещё на мгновение. – Мило здесь у вас.

– Очень.

Валентин представил меня, как свою знакомую Анну Еллоу. Сделал это как-то вскользь, так что слова "клиника" и "пациентка" почти ускользнули. Получилось, что я знакомая не по работе, а по интересу.

– Вместо фамилий я использую цвета, – объяснил он. – Это удобно. Цвет – замечательно характеризует душевное состояние.

Компания собралась довольно оживлённая. Не могу сказать, что она подлежала разбору практикующего психиатра, но Фрейда бы точно заинтересовала. Тереса – хозяйка дома, она же моя школьная подруга, она же моя работодательница. Александр Ковач – секретарь Тёрки, тот самый молодой "олень". (Он же Хосе при Кармен. Это сравнение мне понравилось.) Валентин – муж хозяйки, мой лечащий врач и моё задание. Я – ваша покорная слуга, молодая интересная женщина с подозрением на лёгкое психическое расстройство.

Поблизости ещё существовали садовник, повар и пара горничных – о них я узнала позднее, по мере выхода этих персонажей на сцену нашего маленького семейного театра.

– Дорогая, ты не будешь против, если я покажу Анне дом? – осведомился Валентин.

– Вовсе нет, дорогой. Только не задерживайтесь слишком

долго. Я буду скучать. Сегодня мне одиноко... – уголки рта опустились. – Как у поэта: и скучно, и грустно, и некому лапу подать...

Ковач принёс бокалы с вином, сказал, что ужин скоро будет готов, и это белое сухое послужит аперитивом.

– Ничего, что я выбрал сам? – Ковач тряхнул гривой. – А? Валя?

Валентин промычал что-то невразумительное в стиле, выбрал и выбрал, что теперь поделаешь? Не сливать же в бутылку. Или такая интерпретация: в этом доме нет плохого вина и выбор совсем несложен, даже школьник бы справился. Завершил мычание Валентин вопросом, в котором я услышала укор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.